

Если считать, что все редакции „Сказания“ идут одна от другой или от той редакции, которая опустила все заимствования „Сказания“ из Летописной повести, то отсутствие явных вставок из Летописной повести в тексте „Сказания“ можно объяснить тем, что автор редакции, легшей в основу всех остальных редакций „Сказания“, хорошо зная текст Летописной повести, последовательно выкинул все отрывки из Летописной повести, которые встречались в „Сказании“. Но даже и при таком мало допустимом предположении нельзя ничем объяснить отсутствие во всех остальных редакциях не только вставок из Летописной повести, но и всех переработок текста „Сказания“ на материале Летописной повести, которые встречаются в редакции „Сказания“ Никоновской летописи. Все наблюдения над текстом „Сказания“ в Никоновской летописи говорят о том, что „Сказание“ в этой редакции представляет собой позднюю обработку первоначального текста памятника, сделанную на основе Летописной повести.

Митрополит Киприан как действующее лицо фигурирует во всех редакциях „Сказания“ без исключения, но в редакции Никоновской летописи ему уделено особое внимание и усиленно подчеркивается важность его роли во время событий 1380 года, между тем как в действительности в 1380 году Киприана в Москве не было.

Эта подчеркнутая тенденциозность „Сказания“ в данной редакции уже говорит о ее позднем характере. Есть все основания предполагать, что рассматриваемая редакция „Сказания“ была создана составителем Никоновской летописи в ее основной части (до 1520 года), т. е. в период между 1539—1542 годами. Характер этой редакции (подчеркнутая религиозность и подчеркнутое прославление митрополита) соответствует характеру всей Никоновской летописи, которая, по словам А. А. Шахматова, „изобилует примерами благоговейного отношения к митрополитам и тенденциозной окраской событий в духе их прославления“.¹ Так как эта редакция предназначалась для летописи, то совершенно естественно, что и обрабатывалась она по Летописной повести.

Второй редакцией С. К. Шамбинаго считал текст „Сказания“, встречающийся в трех списках: в Кирилло-Белозерской летописи (ЛОИИ, № 251), в Синодальной летописи (ГИМ, № 485) и в летописном сборнике (ГИМ, собрание Черткова, № 1^{3/55}). Все три списка XVI века.

От следующей, по классификации С. К. Шамбинаго — третьей, редакции вторая редакция отличается тем, что в ней, как и в редакции Никоновской летописи, литовский князь, союзник Мамая, назван исторически правильно Ягайлом (в третьей редакции литовский князь назван Ольгердом).

Самая поздняя, по определению С. К. Шамбинаго — четвертая, редакция „Сказания“ отличается своей новгородской окраской. Эта редакция подчеркивает большую роль новгородцев в битве на Куликовом поле, для чего в текст этой редакции включается большая повесть о новгородцах.

О том, что повесть о новгородцах, в чтении этой редакции, не может восходить к протографу памятника, а является более поздней вставкой, свидетельствует всё ее начало, которое кратко повторяет начало основного текста — рассказ о приходе Мамая на Русь, и ее зачин: „Скажу вам иную повесть о мужех новгородцех Великого Новгорода“. Повесть эта — не механическая вставка в ранний текст памят-

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 157.